

ДЖЕК ЛОНДОН (Джон Гриффит Чейни, 1896–1916) – выдающийся американский писатель, журналист и общественный деятель, член Социалистической трудовой партии Америки (с 1895 г.). Известен как автор социальных, приключенческих, фантастических и утопических произведений, проникнутых гуманизмом и верой в духовные силы человека; один из зачинателей «пролетарского реализма» в западной литературе.

Внимание читателя предлагается автобиографический очерк Дж. Лондона, в котором освещены не только формирование личности и мировоззрения писателя и крах его «американской мечты», но и законы и нравы капиталистического общества, сегодня переживающего глубочайший системный кризис. Очерк написан в марте 1906 г., – в те дни, когда на другом конце земли, в неизвестной Дж. Лондону российской провинции осетины оплакивали своего поэта, помимо прочего писавшего: «Мне вашего счастья не нужно: В нем счастья народного нет. В блестящих хоромах мне душно, Меня ослепляет их свет...» Эти строки Коста Хетагурова удивительно созвучны главной мысли американского писателя.

ЧТО ЗНАЧИТ ДЛЯ МЕНЯ ЖИЗНЬ (в сокращении)

Я родился в рабочей среде. Рано познал я восторженность, власть мечты, стремление к идеалам; и добиться желанной цели – было надеждой моего детства. Меня окружали грубость, темнота, невежество. И смотрел я больше не вокруг, а вверх. Место мое в обществе было на самом дне. Жизнь здесь не давала ничего, кроме убожества и уродства тела и духа, ибо и тело и дух здесь в равной мере были обречены на голод и муки.

Надо мной высилось громадное здание общества, и мне казалось, что выход для меня – это подняться вверх. Прodelать этот путь я решил еще в детстве. Там, наверху, мужчины носили черные сюртуки и накрахмаленные рубашки, а женщины одевались в красивые платья. Там же была вкусная еда, и еды было вдоволь. Это – для тела. Но там же были и духовные блага. Я верил, что там, наверху, можно встретить бескорыстие, мысль ясную и благородную, ум бесстрашный и пылливый. Я знал это потому, что читал развлекательные романы, где все герои, исключая злодеев и интриганов, красиво мыслят и чувствуют, возвышенно декламируют и состязаются друг с другом в благородстве и доблести. Короче говоря, я скорее усомнился бы в том, что солнце завтра вновь взойдет на небе, чем в том, что в светлом мире надо мной сосредоточено все чистое, прекрасное, благородное, все то, что оправдывает и украшает жизнь и вознаграждает человека за труд и лишения.

Но не так-то легко пробиться снизу вверх, в особенности если ты обременен иллюзиями и не

лишен идеалов. Я жил на ранчо в Калифорнии, и обстоятельства понуждали меня упорно искать лестницу, по которой я мог бы вскарабкаться наверх. Я рано начал допытываться, сколько дохода приносит денежный вклад, и терзал свои детские мозги, стараясь постичь благоденствия и преимущества этого замечательного человеческого изобретения – сложных процентов. Затем я установил, каковы действующие ставки заработной платы рабочих всех возрастов и каков их прожиточный минимум. На основе собранных сведений я пришел к выводу, что если я немедленно начну действовать и буду работать и копить деньги, то к пятидесяти годам смогу бросить работу и вкусить те блага и радости, которые станут мне доступны на более высокой ступени общественной лестницы. Само собой разумеется, что я твердо решил не жениться и совершенно упустил из виду болезнь – этот страшный бич трудового люда.

Но жизнь, бившая во мне ключом, требовала большего, чем жалкое существование мелкого скопидома. К тому же десяти лет от роду я стал продавцом газет, и мои планы на будущее стали быстро меняться. Вокруг меня было все то же убожество и уродство, а высоко надо мной – все тот же далекий и манящий рай; но взбираться к нему я решил по другой лестнице – по лестнице бизнеса. К чему копить деньги и вкладывать их в облигации государственного займа, когда, купив две газеты за пять центов, я мог, почти не сходя с места, продать их за десять и таким образом удвоить свой капи-

тал? Я окончательно избрал лестницу бизнеса и уже видел себя лысым и преуспевающим королем торгашей.

Обманчивые мечты! В шестнадцать лет я в самом деле получил титул «короля». Но этот титул был присвоен мне бандой головорезов и воров, которые называли меня «королем устричных пиратов»¹. К этому времени я уже поднялся на первую ступень лестницы бизнеса. Я стал капиталистом. Я был владельцем судна и полного снаряжения, необходимого устричному пирату. Я начал эксплуатировать своих ближних. У меня была команда в составе одного человека. В качестве капитана и владельца судна я забирал себе две трети добычи и отдавал команде одну треть, хотя команда трудилась так же тяжело, как и я, и так же рисковала жизнью и свободой.

Эта первая ступень оказалась пределом, которого я достиг на лестнице бизнеса. Однажды ночью я совершил налет на китайские рыбацкие лодки. Веревки и сети стоили денег, это были доллары и центы. Я совершил грабёж – согласен; но мой поступок полностью отвечал духу капитализма. Капиталист присваивает собственность своих ближних, искусственно сбивая цену, злоупотребляя доверием или покупая сенаторов и членов верховного суда. Я же пользовался более грубыми приемами – в этом была вся разница, – я пускал в ход револьвер.

Но в ту ночь моя команда оказалась в числе тех неудачников, на которых так порою сетует капиталист, ибо они весьма чувствительно увеличивают непроизводительные расходы и сокращают прибыль. Моя команда была повинна и в том, и в другом. От ее неосторожного обращения с огнем загорелась и пришла в полную негодность готмачта. (...) Итак, я скатился с той первой ступени, на которую было взобрался, и уже никогда больше не вступал на лестницу бизнеса.

С тех пор меня безжалостно эксплуатировали другие капиталисты. У меня были крепкие мускулы, и капиталисты выжимали из них деньги, а я – весьма скудное пропитание. Я был матросом, грузчиком, бродягой; работал на консервном заводе, на фабриках, в прачечных; косил траву, выколачивал ковры, мыл окна. И никогда не пользовался плодами своих трудов! Я смотрел, как дочка владельца консервного завода катается в своей коляске, и думал о том, что и мои мускулы – в какой-то степени – помогают этой коляске плавно катиться на резиновых шинах. Я смотрел на сына фабриканта, идущего в колледж, и думал о том, что и мои мускулы – в какой-то степени – дают ему возможность пить вино и веселиться с друзьями.

Но меня это не возмущало. Я считал, что таковы правила игры. Они – это сила. Отлично, я тоже не из слабых. Я пробьюсь в их ряды и буду сам выжимать деньги из чужих мускулов. Я не боялся работы. Я люблю тяжелый труд. Я напрягу все силы,

буду работать еще упорней и в конце концов стану столпом общества.

Как раз в это время, – на ловца и зверь бежит, – я повстречал работодателя, который придерживался тех же взглядов. Я хотел работать, а он, в еще большей степени, хотел, чтобы я работал (...) Мой хозяин заездил меня чуть не до смерти. (...) И я сбежал от работы. Я стал бродягой, ходил по дворам и просил подаяния, колесил по Соединенным Штатам, обливаясь кровавым потом в трущобах и тюрьмах.

Я родился в рабочей среде и вот теперь, в семнадцать лет, стоял ниже того уровня, с которого начал. Я очутился в подвальном этаже общества, в преисподних глубинах нищеты, о чем не очень приятно, да и не стоит говорить. Я очутился на дне, в бездне, в выгребной яме человечества, в душном склепе, на свалке нашей цивилизации. Это такой закоулок в здании общества, который предпочитают не замечать. Недостаток места заставляет и меня умолчать о нем, и я скажу лишь, что то, что я там увидел, повергло меня в ужас.

Потрясенный, я стал размышлять. И наша сложная цивилизация предстала предо мной в своей обнаженной простоте. Вся жизнь сводилась к вопросу о пище и крове. Для того чтобы добыть кров и пищу, каждый что-нибудь продавал. Купец продавал обувь, политик – свою совесть, представитель народа, – не без исключения, разумеется, – народное доверие; и почти все торговали своей честью. Женщины – и падшие, и связанные священными узами брака – готовы были торговать своим телом. Все было товаром, и все люди – продавцами и покупателями. Рабочий мог предложить для продажи только один товар – свои мускулы. На его честь на рынке не было спроса...

Но этот товар отличался одним весьма существенным свойством. Обувь, доверие и честь можно было обновить. Запас их был неиссякаем. Мускулы же нельзя было обновить. По мере того как торговец обувью распродал свой товар, он пополнял запасы его. Но рабочий не имел возможности восстановить запас своей мускульной силы. Чем больше он продавал, тем меньше у него оставалось. Только этот товар и был у него, и с каждым днем запас его уменьшался. И наступал день, – если только рабочий доживал до него, – когда он продавал остатки своего товара и закрывал лавочку. Он становился банкротом, и ему ничего не оставалось, как спуститься в подвальный этаж общества и умереть от голода.

Затем я узнал, что человеческий мозг тоже является товаром. И что этот товар также имеет свои особенности. Торговец мозгом в пятьдесят – шестьдесят лет находится в расцвете сил, и в это время изделия его ума ценятся дороже, чем когда-либо. А рабочий уже к сорока пяти – пятидесяти годам истощает свой запас сил.

Я находился в подвальном этаже общества и

¹ Дж. Лондон нелегально ловил устриц в бухте Сан-Франциско (прим. ред).

считал это место неподходящим для жилья. Водопровод и канализация были в антисанитарном состоянии, дышать было нечем. Если уж мне нельзя было жить в бельэтаже, то стоило попытаться попасть хотя бы на чердак. Правда, рацион там тоже был скудный, но зато воздух чистый. Я решил не продавать больше мускульную силу, а торговать изделиями своего ума.

Тогда началась бешеная погоня за знаниями. Я вернулся в Калифорнию и погрузился в чтение книг. Готовясь к тому, чтобы стать торговцем мозгом, я невольно углубился в область социологии. И тут, в книгах определенного толка, я нашел научные обоснования тех простых социологических идей, до которых додумался самостоятельно. Другие и более сильные умы еще до моего появления на свет установили все то, о чем и я думал, и еще многое такое, что мне и не снилось. Я понял, что я социалист.

Социалисты – это революционеры, стремящиеся разрушить современное неразумное общество, чтобы на его развалинах построить новое, разумное. Я тоже был социалистом и революционером. Я вошел в группу революционных рабочих и интеллигентов и впервые приобщился к умственной жизни. Среди них было немало талантливых, выдающихся людей. Здесь я встретил сильных и бодрых духом, с мозолистыми руками, представителей рабочего класса, священников, чье понимание христианства оказалось слишком широким для почитателей мамоны; профессоров, не ужившихся с университетским начальством, насаждающим пресмыкательство и раболепие перед правящими классами, – профессоров, которых выкинули вон, потому что они обладали знанием и старались употребить его на благо человечества.

У революционеров я встретил возвышенную веру в человека, горячую преданность идеалам, радость бескорыстия, самоотречения и мученичества. Жизнь здесь была чистой, благородной, живой. Жизнь здесь восстановила себя в правах и стала изумительна и великолепна. И я был рад, что живу. Я общался с людьми горячего сердца, которые человека, его душу и тело, ставили выше долларов и центов и которых плач голодного ребенка волнует больше, чем трескотня и шумиха по поводу торговой экспансии и мирового владычества. Я видел вокруг себя лишь благородные порывы и героические устремления, и мои дни были солнечным сиянием, а ночи – сиянием звезд, и в их чистом пламени передо мной сверкал священный Грааль, символ страдающего, угнетенного человечества, обретающего спасение и избавление от мук.

А я, жалкий глупец, я думал, что это всего лишь предвкушение тех радостей, которые я обрету в верхних этажах общества. Я утратил немало иллюзий с тех пор, когда на ранчо в Калифорнии читал развлекательные романы. Но мне предстояло еще много разочарований.

В качестве торговца мозгом я имел успех. Общество раскрыло передо мной свои парадные двери. Я сразу очутился в гостиной и очень скоро утратил свои последние иллюзии. Я сидел за обеденным столом вместе с хозяевами этого общества, с их женами и дочерьми. Одеты женщины были красиво – все это так; но, к моему простодушному изумлению, я обнаружил, что они из того же теста, что и все женщины, которых я знал в подвальном этаже. Оказалось, что «знатная леди и Джуди О' Греди – сестры по духу»², а также по телу.

Но не столько это обстоятельство, сколько их гнусное торжество поразило меня. Верно, эти красиво одетые и красивые женщины были не прочь поболтать о милых их сердцу маленьких идеалах и столь же милых и мелких добродетелях, но их детская болтовня не могла скрыть основного стержня их жизни – голого расчета. А в какой покров сентиментальности обряжали они свой эгоизм! Они занимались всякого рода мелкой благотворительностью, причем охотно ставили вас об этом в известность, а между тем та пища, которую они ели, и те платья, которые носили, были куплены на дивиденды, запятнанные кровью детского труда, кровью потогонного труда и кровью тех, кто был вынужден торговать своим телом. Когда я говорил об этом и в простоте души ожидал, что эти сестры Джуди О' Греди немедленно сбросят с себя залитые кровью шелка и драгоценные камни, они обижались и со злобой возражали мне, что нищета в подвальном этаже общества явилась следствием мотовства, пьянства и врожденной порочности. Когда же я замечал, что не понимаю, каким образом мотовство, пристрастие к спиртным напиткам и врожденная порочность полугодовалого шестилетнего ребенка заставляют его еженощно работать по двенадцати часов на бумагопрядильной фабрике Юга, то мои собеседницы обрушивались на мою личную жизнь и называли меня «агитатором», – видимо, считая, что на такой веский довод возразить нечего.

Не лучше чувствовал я себя и в кругу самих хозяев. Я ожидал встретить людей нравственно чистых, благородных и жизнеутверждающих, с чистыми, благородными, жизнеутверждающими идеалами. Я вращался среди людей, занимавших высокое положение, – проповедников, политических деятелей, бизнесменов, ученых и журналистов. Я ел с ними, пил с ними, ездил с ними и изучал их. Верно, я встречал немало людей нравственно чистых и благородных, но, за редким исключением, люди эти не были жизнедеятельны. Я глубоко убежден, что мог бы все эти исключения сосчитать по пальцам. Если в ком чувствовалась жизнь, то это была жизнь гниения; если кто был деятелен, то деяния его были гнусны; остальные были просто непогребенные мертвецы – незапятнанные и величавые, как хорошо сохранившиеся мумии, но безжизненные. Это особенно относится к профессорам, с которы-

² Из «Казарменных баллад» (1892) Р. Кипплинга (прим. ред.).

ми я познакомился, – к тем людям, что придерживаются порочного академического принципа: «Будь бесстрастен в поисках бесстрастного знания».

Я знал людей, которые на словах ратовали за мир, а на деле раздавали сыщикам оружие, чтобы те убивали бастующих рабочих; людей, которые с пеной у рта кричали о варварстве бокса, а сами были повинны в фальсификации продуктов, от которых детей ежегодно умирает больше, чем их было на совести у кровавого Ирода.

Я беседовал с промышленными магнатами в отелях, клубах и особняках, в купе спальных вагонов и в каютах пароходов, и я поражаюсь скудости духовных их запросов. В то же время я видел, как уродливо развит их ум, поглощенный интересами бизнеса. Я понял также, что во всем, что касалось бизнеса, их нравственность равнялась нулю.

Вот утонченный джентльмен с аристократическим лицом, он называется директором фирмы, – на деле же он ее покорное орудие в ограблении вдов и сирот. А этот видный покровитель искусств, коллекционер редкостных изданий, покровительствующий литературе, является жертвой мрачного, звероподобного шантажиста – босса муниципальной машины. А этот редактор, публикующий рекламные объявления о патентованных лекарствах и не осмеливающийся сказать правду о них в своей газете из-за боязни потерять заказ на рекламу, обозвал меня подлым демагогом, когда я заявил, что его познания в области политической экономии устарели, а в области биологии современны Плинию. Вот этот сенатор – орудие и раб, маленькая марионетка грубого и невежественного босса; в таком же положении находится этот губернатор и этот член верховного суда; и все трое они пользуются бесплатным проездом по железной дороге. Этот коммерсант, благочестиво рассуждающий о бескорыстии и всеблагое провидении, только что бессовестно обманул своих компаньонов. Вот видный благотворитель, щедрой рукой поддерживающий миссионеров, – он принуждает своих работниц трудиться по десяти часов в день, платя им гроши, и таким образом толкает их на проституцию. Вот филантроп, на чьи пожертвования основаны новые кафедры в университете, – он лжесвидетельствует на суде, чтобы выгадать побольше долларов и центов. А этот железнодорожный магнат нарушил слово джентльмена и христианина, тайно обещав сделать скидку одному из двух промышленных магнатов, сцепившихся в смертельной схватке.

Итак, повсюду грабеж и обман, обман и грабеж. Люди жизнедеятельные – но грязные и подлые; или чистые и благородные – но мертвые среди живых.

И тут же огромная масса – беспомощная и пассивная, но нравственно чистая. Она грешила нерасчетливо и не произвольно, а в силу своей пассивности и невежества, мирясь с господствующей безнравственностью и извлекая из нее выгоды. Если бы она была сознательна и активна, она не была бы невежественна и отказалась бы от участия в прибыли, добываемой грабежом и обманом.

Я почувствовал отвращение к жизни в бельэтаже, где расположены парадные комнаты. Ум мой скучал, сердце томилось. И я вспомнил своих друзей – интеллигентов, мечтателей, лишенных сана проповедников, выброшенных на улицу профессоров, сознательных рабочих. Я вспомнил дни и ночи, пронизанные сиянием солнца и звезд, когда жизнь казалась возвышающим душу чудом, духовным раем, исполненным героизма и высокой романтики. И я увидел перед собой, в вечном сиянии и блеске, священный Грааль.

И я вернулся к рабочему классу, в среде которого родился и к которому принадлежал. Я не хочу больше взбираться вверх. Пышные хоромы над моей головой не прельщают меня. Фундамент общественного здания – вот что меня привлекает. Тут я хочу работать, налегать на рычаг, рука об руку, плечо к плечу с интеллигентами, мечтателями и сознательными рабочими, и, зорко приглядываясь к тому, что творится в верхних этажах, расшатывать возвышающееся над фундаментом здание. Придет день, когда у нас будет достаточно рабочих рук и рычагов для нашего дела, и мы свалим это здание вместе со всей его гнилью, непогребенными мертвецами, чудовищным своекорыстием и грязным торгашеством. А потом мы очистим подвалы и построим новое жилище для человечества, в котором не будет палат для избранных, где все комнаты будут просторными и светлыми и где можно будет дышать чистым и животворным воздухом.

Таким я вижу будущее. Я смотрю вперед и верю – придет время, когда нечто более достойное и возвышенное, чем мысль о желудке, будет направлять развитие человека, когда более высокий стимул, чем потребность набить брюхо, – а именно это является стимулом сегодняшнего дня, – будет побуждать человека к действию. Я сохраняю веру в благородство и величие человека. Я верю, что чистота и бескорыстие духа победят господствующую ныне всепоглощающую алчность...

Март 1906 г.

**Публикацию подготовил
д. ф. н. И.С. Хугаев.**